

— Эй, а ведь и правда сработало!

— Брат, рассказывай скорее, — оживился Цюй Ян.

— Хочешь послушать историю? Ну, валяй, — дядька растопырил свои мясистые ладони и поманил их пальцем.

Цюй Ян с самым невинным видом вложил свою ладонь в руку дядьки, но тот, опешив на пару секунд, резко отдернул руку.

Воздух в помещении внезапно застыл.

Дунфан про себя взмолился: О боги, пусть в этом мире больше не будет неловкости, хотя бы самую малость, а то ведь совсем неумоготу.

Цюй Ян почесал щеку:

— А я уж подумал, мы куда-то не туда пришли...

— Слушай, брат, у меня с собой не так много денег, — Дунфан пододвинул дядьке свою еще не открытую банку консервов. — Угощайся, это за выпивку.

— Неплохо, отличный парень! В Городке Митан никто не может отказаться от консервированного пойла! — Дядька подцепил крышку и сделал несколько жадных глотков.

— Ну так что там с легендой о Долине Сы и Гэ?

Дядька вытер рот, его лицо уже слегка покраснелось от хмеля:

— Долина Сы и Гэ... Каждый год туда тянутся толпы людей. На словах — путешественники и исследователи, а на деле — обычные старатели... Но разве легко там что-то найти? В долине, кроме тумана, полно ядовитых споровых растений, кто туда сунется — назад не вернется!

— Местные ходят к краю долины только когда туман редет, чтобы собрать железный лом. В марте, апреле, октябре или ноябре — это еще куда ни шло, — продолжал дядька, — но в остальное время — ни ногой.

— А что насчет Костяного дракона? — спросил Дунфан.

Дядька отхлебнул еще и смачно икнул:

— Брат, не буду врать. Несколько дней назад я сам видел, как из густого тумана вдруг высунулся череп дракона! Острые рога, клыки, ни клочка плоти — одни белесые кости. И стоило этой голове шевельнуться, как земля заходила ходуном, а сама долина завывала, будто от боли!

Дунфан, подперев подбородок, слушал этот фантастический рассказ, стараясь выглядеть как можно более доверчивым, чтобы вытянуть из собеседника побольше информации.

— Впервые я увидел Костяного дракона... В Долине Сы и Гэ всегда ходили легенды о драконах на службе у армии. В последние годы они стали появляться все чаще. Как только он выходит — земля дрожит, горы рушатся, а туман взвигается безумным вихрем. Звук такой — у-у-у, у-у-у — слышно за версту.

— Кто же сунется в долину, когда такое творится? Это же верная смерть!

— Брат, а о чем гласит легенда про драконов-солдат? — с любопытством спросил Цюй Ян.

Дядька допил банку и причмокнул губами, явно уже порядком захмелев:

— Раз уж мы так сошлись, расскажу в придачу. Обычно за такие истории я беру еще банку.

— Это случилось давным-давно. Тогда Долина Сы и Гэ еще не была долиной, а представляла собой бескрайнюю равнину, — дядька начал раскачиваться из стороны в сторону. — В те времена для войн использовали броневики из камня, а вместо пороха в снарядах была энергетическая жидкость. Урон от них был невелик — разве что пару деревьев повалит, детские игрушки, а не война.

— Силы были равны, битва тянулась бесконечно. Видя, что людей становится все меньше, а ресурсов не хватает, предводитель одной из сторон отправил врагу особое послание: встретиться в Долине Сы и Гэ и решить исход войны одним сражением, чтобы больше не травить эти земли.

Дунфан молча слушал, мельком взглянув на писателя, который тоже выглядел совершенно замороженным.

Да уж, история шита белыми нитками. Решить исход войны одним сражением? Это лишь мечты победителя, проигравший никогда не смирится так просто.

— Однако в день решающей битвы враг привел не армию людей, а целые стаи драконов! — дядька подался вперед через стойку, брызжа слюной от возбуждения.

— Как могли каменные броневики и энергетические снаряды противостоять мифическим существам? Драконы своей чудовищной силой и яростью растоптали равнину, превратив ее в

глубокую долину! Бесчисленное множество врагов погибло там, а после предводитель приказал распылить в долине ядовитые споры, навсегда запечатав ее.

— Значит, они и драконов там похоронили? — равнодушно заметил Дунфан. — Настоящая благодарность за службу.

Дядька на мгновение замолчал, а потом пробормотал:

— Слишком много времени прошло, версии могли исказиться.

Дунфан хотел было еще что-то спросить, как вдруг раздался глухой стук — Цюй Ян рухнул лицом на стол.

Дунфан испугался, схватил его за воротник и приподнял. Лицо молодого человека пылало, а из приоткрытого рта медленно стекала струйка прозрачной жидкости.

— Эй, писатель? — Дунфан слегка потряс его. Голова парня моталась из стороны в сторону, как лист на ветру, но глаза он так и не открыл, лишь довольно улыбался во сне.

Вот ведь, напился?

Дунфан взглянул на оставшуюся половину банки с медовухой и помрачнел.

И правда, он ни разу не видел, чтобы Цюй Ян пил что-то крепче лимонада.

— Эй, будущий великий писатель, ты идти-то можешь?

Никакой реакции.

Дунфану пришлось тащить пьяного в стельку литератора через шумные улицы Городка Митан, ловя на себе сочувствующие взгляды прохожих. В гостинице, которую посоветовал дядька, мест не оказалось.

После нескольких неудачных попыток Дунфана осенило: можно же переночевать в машине!

Условия, конечно, спартанские, но выдержит ли этот неженка?

Дунфан усадил Цюй Яна на заднее сиденье и накрыл курткой. Тот приоткрыл глаза, чмокнул губами — интересно, что ему там снится, раз так аппетитно ест?

— Такой красавчик, а мозгов, кажется, совсем нет... — вздохнул Дунфан.

Он прислонился к стеклу, глядя на огни Городка Митан. Одиночество, словно крадущийся хищник, вновь окутало его, сдавило грудь, лишая дыхания.

Он плотнее завернулся в куртку, спрятал лицо в воротник и тихо шмыгнул носом.

Через полчаса его разбудило невнятное бормотание Цюй Яна.

Дунфан приложил руку к его лбу — тот был горячим. Белоснежная кожа парня горела от жара, брови были нахмурены.

— Что за дохляк, умудриться напиться до температуры.

Цюй Ян что-то прохрипел в ответ, непонятно, слышал ли он вообще.

Дунфан ловко вытащил из кармана Цюй Яна кошелек, выскочил из машины и запер двери.

Как только фигура Дунфана скрылась из виду, парень медленно открыл глаза. Он вытер рот рукой, на его лице отразилась мука, он судорожно схватился за левое плечо, впиваясь пальцами в кожу до боли.

В ночной тьме губы Цюй Яна были плотно сжаты, лицо стало ледяным, казалось, само дыхание превращается в иней.

Он убрал руку с плеча, но та продолжала дрожать.

Только он собрался открыть дверь машины, как боковым зрением заметил знакомый силуэт, неспешно возвращающийся обратно.

В ту же секунду Цюй Ян снова обмяк на сиденье, приняв вид беспросветно пьяного идиота.

— Эй, писатель, вот тебе жаропонижающее и средство от похмелья, пей сразу оба.

Дунфан запрыгнул в машину, сжимая в руке блистер с таблетками.

Если бы здесь был хоть один нормальный человек, он бы закричал: нельзя смешивать такие таблетки! Нельзя!

Дунфан, видя, что Цюй Ян не реагирует, немного подумал. Поскольку тот не принял ни то, ни

другое, а о побочных эффектах Дунфан имел смутное представление, он решил действовать по наитию.

— Пьяный, да еще и с температурой, нужно и то, и другое, — пробормотал он.

Затем он выдавил две таблетки и запихнул их Цюй Яну в рот.

— Я купил много, если не полегчает, съешь еще парочку, — Дунфан показал ему упаковку.

Цюй Ян едва заметно дернулся, что сошло за ответ.

Дунфан подпер подбородок рукой, любясь болезненной красотой парня. В свете луны, пробивающемся сквозь стекло, на лбу Цюй Яна проступили капельки пота. Его покрасневшие щеки и бледные губы выглядели настолько уязвимыми, что это невольно вызывало желание защитить его.

— Лекарство не берет, почему он все еще такой горячий? — тихо прошептал Дунфан.

Спустя некоторое время Цюй Ян с трудом открыл глаза и прошептал слабым голосом:

— Хозяин...

— М-м, я тут, — голос Дунфана неожиданно смягчился.

— У меня... живот болит...

Дунфан не понимал, почему после лекарства возникли новые симптомы.

— Что ты мне дал?.. — Цюй Ян был весь в поту, голос его едва звучал.

— Жаропонижающее и антипохмелин, разве нет?

— Да, но... — Цюй Ян был готов расплакаться, — их нельзя принимать вместе.

— А? — Дунфан опешил и начал запинаться. — Разве... нельзя?

Цюй Ян мучительно схватился за живот, начал скрести ногтями по дверному замку, как кошка по двери, с трудом открыл дверь и, пошатываясь, бросился прочь.

Нужда прижала, судя по всему, очень сильно.

— Нельзя принимать вместе? — Дунфан смотрел вслед убегающему Цюй Яну, пребывая в полном недоумении.

— Странно, а мне показалось, я его вылечил. Вон как бегают.

Отбежав на приличное расстояние, Цюй Ян выплюнул таблетку от похмелья, которую все это время держал за щекой.

— Безумец, ну кто так лечит людей!

Он быстро пробирался через переулки Городка Митан. Боль в левом плече становилась невыносимой, опьянение было лишь прикрытием, а вот высокая температура — самой настоящей.

У магазина, где давно погас свет, он остановился, подозрительно огляделся, убеждаясь, что Дунфан или кто-то еще не идет следом, и толкнул дверь.

— Опаздываешь, — раздался из темноты ледяной голос.

Цюй Ян прошел вглубь помещения, опустился в кресло и, тяжело дыша, произнес холодным, властным тоном:

— Меньше болтай. Мы покинули Город Сердца совсем недавно, как ты посмел расслабиться?

— Господин, я не расслабился, но может ли это тело еще выдержать работу с диском?

Из тени вышла фигура, напоминающая ребенка. Когда свет упал на его лицо, любой бы вздрогнул.

Это было лицо взрослого человека с красновато-коричневым круглым шрамом на левой щеке. Он медленно поднял руку — это была не рука, а сложный механический протез.

Карлик с металлическими конечностями.

— А что делать с диском? Ждать смерти? — Цюй Ян закинул голову, глядя в черную пустоту потолка, его лицо не выражало ничего.